

Журнал «День и ночь» беседует с заместителем губернатора Красноярского края Василием Нелюбиным.

— Василий Владимирович, вы уже давно работаете в нашей медиасфере: начинали корреспондентом, возглавляли краевую журналистскую организацию, телерадиокомпанию, теперь являетесь заместителем губернатора Красноярского края. Скажите, что, на ваш взгляд, качественно изменилось в журналистике за последние годы? Как менялась информационная политика власти, как менялось отношение самих журналистов к своей профессии? Укажите ключевые моменты.

— В профессию я пришёл почти сорок лет назад: осенью тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, после окончания журфака Уральского университета, по распределению приехал в газету «Красноярский рабочий». Трудился там шесть лет, потом работал в «Комсомольской правде» собственным корреспондентом по краю, Хакасии и Тыве. Тогда ещё не было системы региональных филиалов — вкладок, а была одна большая, как тогда говорили, «центральная», газета с тиражом двадцать два миллиона экземпляров. Вместе с «Комсомолкой» и нашими читателями я пережил переломные для страны годы: расцвет перестройки, развал Советского Союза, становление новой, капиталистической, России.

Конечно, журналистика с тех пор изменилась кардинально. Формально суть журналистики остаётся прежней — в её основе по-прежнему остаются факты, события, человеческие истории. Но цели и задачи журналистики изменились. Когда я учился на журфаке и делал первые шаги в профессии, нас воспитывали на статьях основоположников марксизма-ленинизма, гласивших, что журналистика должна быть «болтиком и винтиком большой партийной машины», что «журналисты — это подручные партии». Сказал и задумался, что и сегодня, спустя десятилетия, сторонников таких подходов к масс-медиа в нашем обществе очень много.

Впрочем, и во времена СССР в журналистской среде бытовали мысли и идеи, отличные

от партийных установок. Мы считали, что журналисты — это «солдаты справедливости»! И, честно говоря, может быть, в силу молодости, я не ощущал какого-то жёсткого идеологического давления, работая в краевой партийной газете (говоря современным языком, учредителями «Красноярского рабочего» были краевой комитет КПСС и исполком краевого совета депутатов).

— Может быть, это потому, что приближалась перестройка?

— Я пришёл в «Красноярский рабочий» в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году, когда перестройкой ещё не пахло и советская система казалась незбылемой. Казалось бы, я попал в партийную газету, но, несмотря ни на что, мы гораздо больше были озабочены качеством журналистики, тем, что мы должны поддерживать честных и хороших людей, а плохих выводить на чистую воду. В большей мере с партийным руководством имели дело редактор и его заместители, хотя и я, став заведующим отделом и членом редакционной коллегии, формально согласовывал план работы на год с сектором печати в крайкоме партии. Однако не припомню, чтобы вопросы идеологической благонадёжности висели над нами дамокловым мечом.

В целом мы жили своей журналистской жизнью: получали огромное количество писем от читателей, имели не ведомые сегодняшним газетам тиражи в сотни тысяч экземпляров, а приезд корреспондентов в какую-нибудь деревню был большим культурным событием. И не только потому, что тогда в крае было всего две краевые газеты (партийная и комсомольская) и одна телерадиокомпания, а ещё и потому, что в журналистов верили, уважали, нас часто искренне любили. Ощущения, почти не ведомые сегодняшним работникам СМИ.

Впрочем, это не отменяло существования в наших головах некоего мифа о существовании «где-то там, на загнивающем Западе» иной журналистики, в которой нет вообще никаких границ — ни цензурных, ни идеологических. Но сейчас, прожив в журналистике почти сорок лет, поработав в современных «свободных» СМИ, я понимаю, как прав был Ленин, писавший, что ни при социализме,

ни при капитализме не может быть абсолютной свободой: СМИ и журналисты всегда зависимы от «денежного мешка» или идеологии. Известно ведь, что «свобода—это осознанная необходимость». Так всё и оказалось: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Кстати, и идеологии в современных СМИ (и наших, и зарубежных) сегодня ничуть не меньше, чем было в Советском Союзе.

Довелось мне пережить и самый счастливый для журналистов период в новейшей истории (не для общества в целом, я говорю о сугубо цеховом счастье)—это перестройка. Во второй половине восьмидесятых начали печатать ранее запрещённых авторов, открылись архивы, люди стали узнавали подробности сталинских репрессий, начались публичные дискуссии на темы, о которых раньше было принято молчать... Настала эпоха феерической востребованности журналистики: тиражи газет и журналов росли как на дрожжах, телеведущие популярных программ становились национальными героями. В начале девяностых разовый тираж «Комсомольской правды» перевалил за двадцать миллионов. Я помню, как меня однажды попросили срочно приехать в колонию, где взбунтовались заключённые: они согласились вести переговоры с руководством при условии, если на встрече будет присутствовать собственный корреспондент «Комсомолки». На память осталась чёрно-белая фотография, где я стою с мегафоном в плотном кольце угрюмых мужчин в чёрных бушлатах. Были и более приятные приметы популярности профессии. Как-то меня остановил гаишник и, прочитав в водительском удостоверении фамилию, улыбнулся и с восторгом сказал: «Так это вы? Наш собкор „Комсомольской правды“?»—настолько популярна была эта газета и её авторы.

Когда я время от времени прилетал в Москву, мне передавали несколько огромных мешков, битком набитых письмами читателей, адресованных лично мне. Все их было невозможно прочитать, поэтому я запускал в мешок руку и наугад выбирал несколько писем, чтобы ответить хотя бы на некоторые. Это было время, когда журналистов стали называть «четвёртой властью» и у некоторых журналистов начала развиваться мания величия. Времена изменились кардинально, но симптомы застарелой болезни у части коллег сохраняются.

— Вы считаете, что это в большей мере был самообман, или на какой-то период журналистика действительно приобрела исключительное влияние?

— Думаю, это было что-то вроде моды, такое культурное поветрие, вызванное определёнными обстоятельствами. Как в музыке, например, были эпохи джаза, рок-н-ролла, рока, диско... Важно, что это была популярность у широкой, массовой аудитории. В конце восьмидесятых—начале

девяностых журналисты стали властителями умов и душ, а потом мода сменялась. А в роли «модельеров», как мне кажется, выступили так называемые «прорабы перестройки», пришедшие к власти на волне перемен. Это были в большинстве своём люди с советским партийным прошлым, которые прекрасно понимали важность работы «подручных партии», вне зависимости от того, как эта партия сейчас называется.

Сегодня большинство журналистов искренне считают, что они работают для своих читателей, слушателей и зрителей. Наиболее успешные коллеги относятся к своей профессии как к способу самореализации, способу пробиться. Владельцы СМИ уверены, что сегодняшняя журналистика—это бизнес, и не так важно, кто платит тебе деньги. Политики убеждены, что журналистика выполняет общественно-политическую задачу, важную для власти и народа. Двадцать лет назад журналистика действительно была серьёзным игроком, тогда достаточно было два-три раза появиться на экране с яркой темой, чтобы тебя стали узнавать на улицах, чтобы с тобой начали здороваться соседи. Но времена изменились, и сейчас ничего похожего в красноярской журналистике нет.

В чём причины падения престижа профессии? Это связано с несколькими факторами. Но одна из самых очевидных причин—журналистам перестали верить. СМИ очень много врут. Не всегда это связано с умыслом. Но всегда—с отсутствием профессионализма. В профессию приходят люди буквально с улицы: малограмотные, некультурные, ленивые и тщеславные.

Вспоминаю, как я в своё первое дежурство по номеру в «Красноярском рабочем» не заметил ошибку в одном из материалов, где были перепутаны Саяногорск с Сосновоборском (тогда Хакасия входила в состав Красноярского края). За это меня лишили квартальной премии в размере месячной зарплаты, а в качестве «пряника» редактор подарил книгу «Административно-территориальное деление Красноярского края» и сказал: «Сынок, в нашей газете не может быть таких ошибок! Сомневаешься—открывай справочники, энциклопедии и проверяй!» Тогда любая фактическая ошибка или неточность, а также стилистические и грамматические ляпы не могли попасть на полосу, ведь материалы после корреспондента просматривали заведующий отделом, работник секретариата, дежурный редактор и корректор. Современному журналисту не нужны справочники и словари, под рукой всегда есть Интернет. Ничем иным, кроме лени и непрофессионализма, не могу объяснить катастрофическое количество ошибок и неточностей в современных СМИ. И люди тоже обращают на это внимание.

Наконец, работая над серьёзным критическим материалом, я понимал, что мою статью будут

рассматривать «под лупой» и сами герои публикаций, и силовики, и представители власти. Коллеги знали: если хочешь, чтобы на твою публикацию реагировали — виновных наказывали, невинных оправдывали, — каждое слово в статье должно быть выверено и подтверждено, малейшая неточность могла похоронить весь эффект от работы.

Не секрет, что в советское время СМИ уважали во многом ещё и потому, что большинство критических публикаций приводило не только к серьёзному обсуждению проблемы и принятию важных решений. Я помню рубрику в «Красноярском рабочем», которая так и называлась: «Газета выступила, что сделано?» Там сообщалось о реакции ответственных лиц и организаций на наши публикации. И люди это ценили. Даже была такая расхожая шутка: «Что общего между чиновником и мухой? И того, и другого можно прихлопнуть газетой». Сегодня такую рубрику в газете невозможно представить. Репутация у СМИ такая, что их критику обычно игнорируют — фейков и сплетен в медиа зачастую не меньше, чем достоверной информации.

— Что же произошло? В девяностые упало качество или резко возросло количество информации?

— Появилась возможность писать о чём угодно. В этом смысле было очень показательным возникновение газеты «Комок». Ситуация выглядела так: в начале девяностых, помимо трёх официальных газет (в тысяча девятьсот девяносто первом году уже появился «Вечерний Красноярск»), существовала лишь одна в чистом виде коммерческая газета для публикации частных объявлений и рекламы — «Красноярская неделя», приложение к «Красноярскому рабочему». Из «развлекаловки» там были только кроссворды. Потом на потребу публике стали публиковать гороскопы, хотя сначала это вызвало дискуссию: нужно ли «популяризировать мракобесие»? Именно тогда выпускник местного журфака Павел Лоскутов загорелся идеей создать красноярский «Бильд» и стал приглашать в проект разных людей. Помню, на каком-то этапе мне позвонил Борис Сергеевич Иванов, тогдашний собкор Агентства печати «Новости», и предложил нам с Золиком Мильманом — сейчас он главный редактор регионального выпуска «Российской газеты» — и фотокором «Правды» Анатолием Белоноговым поработать над пилотным выпуском новой газеты. Мы старались сделать нечто кардинально отличающееся от «Красноярского рабочего», и у нас получилась добротная советская газета, но совсем не то, чего ждал от нас заказчик. Мы не смогли преодолеть сложившиеся стереотипы относительно того, что можно в газете, а чего категорически нельзя. И речь не об идеологии, а о мерах допустимого и неуместного, культурного и вульгарного. Во всех сферах нашей жизни тогда эта граница сдвигалась.

«Комок» стал любимым и популярным, когда смог вырваться из рамок советской прессы и социалистической морали. В нём красноярцы могли найти всё, что может заинтересовать обывателя: сплетни про «звёзд», секс, купи-продай, мистика, домашние животные, здоровье, сад-огород, политика, анекдоты, гороскопы... Кстати, в то время слово «комок» имело вполне определённое значение — «комиссионный магазин», то есть место, куда несли вещи на продажу и где можно было раздобыть дефицитный товар. А если сегодня провести среди красноярцев опрос, то очень многие скажут, что «Комок» — это популярная газета.

Аналогично вышло с «Примой». Раньше в сознании большинства это были недорогие сигареты без фильтра, а теперь для красноярцев это телеканал. Так наши коллеги создавали новые красноярские бренды.

То есть происходила ломка стереотипов, и никто не знал, к чему это должно привести. С одной стороны, казалось, что теперь можно всё, с другой — лично мне вовсе не хотелось потакать валу чернухи и хвататься за непристойные темы в духе жёлтой прессы. Помню разговор того времени с коллегой из Москвы, который предложил мне написать для одной из столичных газет материал о том, как заключённые в одном из районов края приспособили для сексуальных утех козу. Я его послал по адресу, который не пишется на конвертах. И задумался. Что же такое должно было произойти в голове советского человека, чтобы федеральные СМИ заинтересовались такой «козьей» темой?!

Кто-то из коллег придерживался консервативных установок, кто-то шёл на радикальные эксперименты. И некоторые из этих экспериментов были удачны: появились новые популярные телевизионные и радиоканалы, рейтинговые передачи, звёздные журналисты — от Владимира Познера и Светланы Сорокиной до Владислава Листьева и Леонида Парфёнова. А кто-то пошёл уже в совершенную журналистскую канализацию в духе «СПИД-Инфо» и подобных ей газет.

Но я должен сказать, что подобные газеты имели колоссальный коммерческий успех. «Комок» становился всё толще, и на пике его успеха Павел Лоскутов мог дарить своим сотрудникам квартиры на день рождения. Сегодня себе такое ни одно СМИ не может позволить. Такой рыночный проект мог состояться только в девяностые годы, когда рухнули все шаблоны и возникли уникальные возможности для нестандартных решений.

Многие наши популярные и востребованные журналисты и блогеры состоялись в профессии именно в «Комке», ведь там было много качественной журналистики.

Когда же эта пена спала, мы оказались в совершенно новой ситуации.

— *И как же ситуация выглядит сейчас?*

— Сегодня существует чёткое деление. Классическая журналистика—это те редакции, которые зарегистрированы как средства массовой информации. Вне зависимости от содержания и формы они соответствуют закону о СМИ, то есть несут юридическую ответственность за достоверность опубликованной информации. Наряду с ними существует множество редакций и авторов-индивидуалов, которые нельзя в юридическом смысле считать СМИ, но которые тем не менее являются масс-медиа. Речь идёт о блогах и блогерах, телеграм-каналах, пабликах и прочих форматах, существующих в сети Интернет.

— *Какова, по-вашему, специфика этих «новых медиа»? В какой мере они изменили обстановку?*

— Можно сказать, что в этой сфере больше свободы в вульгарном её понимании—вседозволенности. В этом смысле новые каналы коммуникации имеют колоссальное преимущество перед традиционными медиа, поскольку они могут безнаказанно публиковать непроверенную информацию, слухи, сплетни, откровенную дезинформацию и клевету, которую зарегистрированные СМИ давать не посмеют во избежание проблем с Роскомнадзором, судом и самими фигурантами сообщений. Зачастую невозможно узнать, кто стоит за той или иной публикацией, кто скрывается за тем или иным псевдонимом.

В результате сегодня люди вообще перестали верить медиа. Социологи регулярно фиксируют эту деградацию отрасли. Скажем, во время перестройки уровень доверия СМИ зашкаливал, временами превышал девяносто процентов. Сегодня этот показатель стремится к нулю, журналистам и блогерам не верят так же, как и депутатам, чиновникам, полицейским... Всё меньше людей, которые всерьёз воспринимают бесконечные «журналистские расследования», понимая, что за большинством из них стоят информационные войны и «сливы компроматов». Собака лает, караван идёт!

Если традиционные СМИ публикуют критический материал, то на него всё-таки как-то реагируют: пресс-служба даёт комментарии, силовики проводят проверку; публикации же в нетрадиционных СМИ просто «принимаются к сведению». Но авторы подобных сливов на официальную реакцию особенно и не рассчитывают, у них иная цель—завлечь обывателя, живущего в Сети, подкормить его очередной порцией негатива. И не важно, чего он касается—коррупции или вакцинации! Делается это обычно вовсе не из-за политических или моральных причин, а чаще всего из коммерческих интересов. Ради отработки денег, полученных от заказчика за дискредитацию тех или иных людей, идей и компаний. Ради

увеличения своей сетевой аудитории, а это напрямую связано с возможностью конвертировать свою популярность в реальные деньги.

— *С этой точки зрения и социальные сети, в том числе странички официальных лиц, становятся вполне признанным каналом информации.*

— Безусловно. Разделение масс-медиа на два вышеуказанных типа скорее юридическое. Можно сказать, что часть СМИ (официальные) работает по одним правилам, а другая часть («новые медиа») — по другим, облегчённым, или вообще без правил. Формально мы их не можем называть СМИ, но площадками коммуникации—несомненно.

Сегодня социальные сети сопоставимы по объёму аудитории с телевидением, при этом число фанатов телевидения постоянно сокращается, они стареют и уходят. Массовый газетный читатель уже практически исчез. Скажем, у таких высокотиражных (по нынешним временам) газет, как «АиФ» и «Комсомольская правда», подписчиков гораздо меньше, чем посетителей их сайтов и групп в соцсетях.

Вспомнилась показательная история. Когда Красноярский край стал переходить на цифровое телевидение, то начали наводить порядок с лицензиями, так что в результате вынуждены были уйти из эфира многие локальные телекомпании, работавшие в городах и районах края. Телеканал «Енисей» долгое время давал им эфирное время, буквально десять-пятнадцать минут, для трансляции новостей своего района. Пошли письма с просьбой сохранить существующую схему. Это было незаконно, поэтому местным тележурналистам было рекомендовано продолжать работу и выкладывать свои выпуски новостей в социальные сети. В районах, особенно сельских, очень популярны «Одноклассники». И местные телевизионщики стали осваивать эту информационную целину. В процессе они поняли, что не обязательно готовить полноценные выпуски новостей: проще снимать отдельные репортажи, записывать комментарии и интервью, а затем оперативно выкладывать их. В результате за несколько месяцев аудитория сельских телевизионщиков выросла в несколько раз, побив все рекорды эфирного вещания.

Почему так вышло? Телевидение—это жёсткая привязка к определённому времени показа, серьёзные затраты на студию, диктора... Сегодня не нужно создавать телекомпанию со штатом специалистов, директором и бухгалтерией; телеоператор (профессионал или продвинутый любитель), он же монтажёр, может работать, к примеру, в районном Доме культуры и фиксировать на видео все наиболее знаковые события. Вместе с журналистом они могут снять четыре-пять репортажей о жизни района, выложить их в «Одноклассники»,

и большинство земляков посмотрят эти новости в удобное время.

Мне рассказывали, что иногда люди в сёлах собирались в библиотеке, где есть Интернет, и им устраивали ретроспективные просмотры местных теленовостей. Средства доставки информации меняются, но потенциальный потребитель это сообщение непременно найдёт, если у него есть такая потребность и желание.

— Как бы вы суммировали сказанное?

— Мы имеем высочайшую степень недоверия к масс-медиа, и это влечёт за собой падение эффективности средств массовой информации. Как говорится, «мели, Емеля, твоя неделя». Вы должны показать людям что-то из ряда вон выходящее, чтобы публика начала реагировать. Именно по этой причине мы видим в лентах новостей кричащие заголовки, которые никак не подтверждаются текстами или видео, размещёнными ниже. Для журналиста теперь важнее не его умение проверять факты, не уровень эрудированности, а умение броско подать самую заурядную информацию. Ложь живёт в современных медиа наравне с правдой.

Телевидение вытесняет гаджеты, которые есть сегодня у большинства наших соотечественников. Наверное, футбол смотреть на телефоне не так удобно, как по телевизору, но возможность узнать последние новости во время прогулки или поездки на автобусе точно вытесняет традиционное телевидение из жизни молодых и не очень молодых людей. Тиражи газет с девяностых годов сократились в десятки раз, аудитория скукожилась, как шагреновая кожа. Смерть печатным СМИ предрекали ещё двадцать лет назад, они всё ещё живут, но эта форма донесения информации уходит вместе с аудиторией. Даже у городских и районных газет оказываются более значимыми их сайты или группы в соцсетях.

— Есть ли у красноярского информационного пространства какие-то уникальные особенности, отличающие его от медиасферы других регионов? Нужен ли нам «особый подход»?

— Красноярцы отличаются от омичей, новосибирцев или иркутян. Это объяснимо, учёные давно доказали, что среда обитания влияет на характер и даже на речь человека. Красноярский край имеет уникальный ландшафт: у нас есть арктическая пустыня и степь, горы и полноводные реки, тайга и тундра. Не то что у соседей: в Омске — «степь да степь кругом», в Новосибирске и Томске — то болото, то тайга. И всё это — Сибирь, везде живут сибиряки, в чём-то похожие, но в чём-то и очень разные. Красноярский народ — занозистый: наши ничего не берут на веру, любят поспорить, их любовь надо завоевать, но если тебя приняли, лучше красноярца друга не найдёшь.

Но это всё лирика, а если говорить об особенностях красноярского информационного пространства, то главное отличие края от большинства российских регионов заключается в том, что у нас всегда было очень много очень разных СМИ. Возьмём телевидение. Классический российский набор — это местный филиал ВГТРК и губернский канал. Это касается не только небольших городов, но и миллионников — именно такая модель работает в Омске, Новосибирске, Перми, Волгограде, Самаре... Исключения — лишь две столицы, Красноярск, Екатеринбург и, может быть, Нижний Новгород. У нас и сегодня, после катастрофического дря регионального телевидения перехода на цифру, помимо двух государственных каналов (ГТРК «Красноярск» и ТК «Енисей»), каждый день делают новости частники: «Прима», «Седьмой канал», ТВК, «Афонтово», «Восьмой канал», «ТВЦ».

Когда формировалось современное медиапространство, в крае бытовал принцип, что любая крупная финансово-промышленная группа хотела иметь свою газету, свой телеканал, своё информагентство. Первая частная телекомпания «Прима» возникла как независимое СМИ, но её купил «Русал». «Афонтово», ТВК, «Седьмой канал» тоже создавались как независимые медиа, но сразу с прицелом на то, что их кто-то купит. Так и случилось: они вошли в медиахолдинги Владимира Гусинского, Анатолия Быкова, «Норникеля». Потом их несколько раз перепродавали, но общей тенденции это не меняло.

Что это давало журналистам? Возможность выбора. Можно было устроиться работать на канал, соответствующий твоим политическим, эстетическим, нравственным предпочтениям. Хочешь бороться с «кروвавым режимом» — иди на ТВК, хочешь быть лояльным — иди на «Енисей». Примерно то же и в печати. Так сформировался самобытный тип красноярского журналиста.

От обилия самых разных точек зрения на одну и ту же проблему в головах красноярцев зачастую создаётся великая путаница, но именно это многоголосие и отличает нас от других регионов. А конкуренция заставляет масс-медиа постоянно развиваться. Этого нет в других сибирских миллионниках — Новосибирске и Омске, именно поэтому их телевидение в сравнении с красноярским — каменный век. Наше держит столичный уровень.

С другой стороны, в Красноярске в отличие от других регионов, ощущается дефицит журналистов. Казалось бы, у нас есть свой факультет, который выпускает по шестьдесят человек в год, а работать-то некому. Пожалуй, это больше вопрос мировоззрения, поскольку журналистский труд тяжёлый, зарплаты низкие, общественный престиж тоже невысокий. Тут собственное тщеславию не потешишь. Многие идут в профессию ради народной любви, а выходит, что все тебя

проклинают, отмахиваются, как от назойливой мухи. Снимать-то приходится в основном происшествия, офисиоз и коммунальные аварии.

Поэтому многие выпускники стараются пойти в пиар, по государственную или муниципальную службу или мечтают стать великими блогерами, построить карьеру в соцсетях.

Так что наша красноярская журналистика имеет свои особенности, но присутствуют и тенденции, общие для всех регионов: дефицит рекламы, то есть денег, профессиональная деградация. Читатели вашего литературного журнала, как люди, неравнодушные к родному языку и литературе, наверное, легко могут проанализировать практически любой выпуск красноярских телевизионных новостей и подготовить увлекательный доклад о типичных стилистических, грамматических и орфоэпических ошибках.

— *Раз уж мы заговорили о журнале «День и ночь», Василий Владимирович, скажите, какую роль в информационной стратегии Красноярского края вы отводите литературе, писательским организациям? Вы считаете их относящимися исключительно к области культуры или также влияющими на медианпространство?*

— Литература играет в медиасфере свою особую роль, хотя и менее заметную, чем в культуре. К примеру, немало красноярских писателей начинали в журналистике, а многие и никогда не разрывали с ней связи. Не секрет, что большинство журналистов имеют базовое филологическое образование и — хорошо ли, плохо ли — изучали литературу. Наиболее романтические и одарённые из них мечтали стать писателями. Пожалуй, больше всех преуспели в этом Виктор Астафьев и Валентин Распушин. Виктор Петрович работал на заре своей большой писательской биографии в районной газете на Урале и, видимо, по этой причине, очень по-доброму относился к местным журналистам, многое им прощал. Валентин Григорьевич в шестидесятые годы работал корреспондентом «Красноярского комсомольца», здесь публиковал свои первые очерки и рассказы.

В разные годы работали (и работают) в красноярских СМИ многие другие красноярские писатели: Анатолий Иванович Чмыхало и Михаил Глебович Успенский, Александр Илларионович Щербаков и Анатолий Ефимович Зябрев, Александр Евгеньевич Григоренко и Елена Сергеевна Семёнова, Сергей Константинович Задереев и Сергей Михайлович Федотов, Олег Анатольевич Пащенко и Алексей Николаевич Мещеряков... Это те, кого вспомнил навскидку, с кем был хорошо знаком по журналистской работе. Красноярских журналистов, ставших писателями, несомненно, много больше. И тем не менее это, скорее, исключение из правил.

Журналисты чаще всего пересекались и пересекаются с писателями во время интервью, записи комментариев. И трагедия ухода Виктора Петровича Астафьева для журналистского сообщества была усугублена ещё и тем, что мы лишились человека, который был безусловным моральным авторитетом. Я отлично помню, как журналисты охотились за Виктором Петровичем, стремились взять у него интервью по поводу и без повода, потому что люди масштаба Астафьева могли в любой самой сложной ситуации чётко отделить чёрное от белого, добро от зла, они имели право на жёсткие нравственные оценки событий и поступков людей,

К сожалению, люди такого калибра и такого нравственного авторитета сейчас в остром дефиците. Есть эксперты в области политики, экономики, медицины. А если нужно дать событиям моральную оценку, то журналистам не к кому обратиться. Кто из сегодняшних писателей готов «судить» по законам морали и нравственности представителей власти, бизнеса, правоохранительной системы? В Красноярске я с ходу не смогу никого назвать.

По большому счёту мы живём в мире, где нет моральных авторитетов. И прикрыть проблему фигурным листком цитаты из библейской заповеди «не сотвори себе кумира» не получается. Человеку, даже самому «продвинутому», жить без авторитета очень и очень тяжело. Для ребёнка это могут быть мама, папа, учитель. Ну а взрослым людям на чьё мнение опереться? Людям прошлых поколений именно писатели часто заменяли родителей, наставников и друзей. На мой взгляд, именно в этом всегда была истинная роль литературы. Конечно, это не отменяет и других функций литературы: образовательной, развлекательной... Читая книги, мы, помимо всего прочего, получаем и великое удовольствие. Любимые книги заставляли нас задуматься, а самые любимые — становились потрясением и изменяли нашу картину мира. Думаю, тысячам потрясённых и очарованных читателей хотелось встретиться с автором любимой книги и поговорить с ним о том, что так волнует, пополняет душу и не даёт покоя.

Отчётливо помню, как я выбирал место своей будущей работы. На распределении предложили на выбор Пермь, Омск и Красноярск. Я выбрал последний, потому что именно в Красноярском крае были сконцентрированы многие мои тогдашние юношеские мечты: Северный полюс с полярной авиацией, могучий Енисей и Виктор Петрович Астафьев. А позже, когда я засиживался допоздна над статьёй, которая никак не получалась, я бодрил себя мыслями о том, что в эти же минуты в заснеженном Академгородке или в солнечной Овсянке сидит за письменным столом Виктор Петрович и пишет бессмертные строки. Надо стремиться соответствовать великому земляку!

Сейчас писатели, на мой взгляд, роль моральных авторитетов утратили. Возможно, из-за того, что играют в «звёздность», участвуют в низкопробных шоу, что слишком много говорят и думают о деньгах, уподобляясь знаменитым актёрам и футболистам. Появляются модные писатели, но мода быстро меняется. Хуже того, некоторые лезут в политику. Не хочется с такими людьми говорить о сокровенном. Да и читать люди стали меньше, чем ещё два десятка лет назад. Думаю, если сегодня попросить школьников назвать десять имён современных писателей, с этим не справятся даже «гуманитарии».

— *Находите ли вы время для чтения художественной литературы?*

— Честно вам скажу, с трудом. Время от времени с удовольствием перечитываю любимые книги. Гоголя перечитывал несчётное количество раз. Кому-то это покажется странным, но для меня Николай Васильевич — один из величайших философов, знатоков человеческих душ и стилистов. У меня на даче есть «Мёртвые души», я эту книгу могу на любой странице открыть и читать.

Конечно, стараюсь следить за новинками, в том числе за творчеством местных писателей. Общаюсь с ними через их книги.

Почему не удаётся уделять достаточно внимания чтению? Думаю, это связано с тем огромным объёмом информации, который обрушивается на нас. В день приходится прочитывать не менее ста страниц разнообразных текстов, сообщений, так что к вечеру уже зачастую не остаётся сил ни на что. Разве что по телевизору смотрю новости или спортивные передачи. Слежу за культурными событиями, но предпочитаю посещать их вживую. Много читаю публицистики, мемуаров — видимо, это профессиональное.

Из современных красноярских авторов я, пожалуй, лучше всего знаком с творчеством Михаила Тарковского. Читал все его книги, мы с ним хорошо знакомы.

После ухода Михаила Успенского, с которым был дружен ещё по совместной работе в «Красноярском рабочем», перечитал все его книги, которые смог найти. Читал всё, что написал Александр Григоренко. На днях мне передали книгу Марины Саввиных «Мосты над облаками», с интересом ознакомился с публицистикой замечательного поэта.

Раз уж вспомнили Михаила Успенского... Очень жалею, что не привёл его на телевидение, ведь я тогда как раз был директором телекомпании. Нужно было обязательно сесть с ним в студии и записать разговор о литературе и жизни, разговор откровенный и неспешный. В идеале — для эфира, но как минимум — для архива. Очень удачный опыт был у Астафьева. Его пригласили на радио, и он в несколько приёмов прочитал «Последний

поклон». В профессиональной студии, с качественным звуком. Виктора Петровича нет, а голос его остался. Потом мы это авторское прочтение издали в виде серии дисков.

Мне удалось уговорить на развёрнутое интервью Михаила Тарковского; кроме всего прочего он записал свои стихи. Эфиры были небольшие, но в архивах осталось много интересного.

Увы, посвятить достаточно времени чтению, забросив все дела, в последние годы просто физически не получается. Хотя я, конечно, книжный человек, и книги всё ещё нередко врываются в мою жизнь.

Например, недавно мы готовили презентацию книги Владимира Ивановича Долгих «Дорогой созидания». Это легендарный человек: один из руководителей СССР, общественный деятель, организатор промышленности. К сожалению, он не дожил до выхода своей последней книги. Честно скажу, я собирался её просто пролистать, поскольку нужно было выступать на презентации, но в итоге книга захватила меня, читал, как только появлялось свободное время. Владимир Иванович — автор очень сдержанный, но поразительно глубокий, понимающий суть, причины и следствия важнейших для страны событий, происходивших при его непосредственном участии в пятидесятые — девяностые годы прошлого века.

Если говорить о книгах, изданных в последнее время в рамках губернаторского гранта «Книжное Красноярье» (а на эти цели ежегодно из бюджета выделяется десять миллионов рублей), я был очень рад, когда издали «Сибирскую Арктику» Йонаса Лида. Написана она была ещё в начале прошлого века, но её уникальность и актуальность заключается в том, что у нас практически нет книг о становлении экономики Сибири. Лид — один из немногих, кто писал про лесные концессии в Сибири. Когда произошла революция, у местных капиталистов всё экспроприровали, а норвежцы ещё до тридцатых годов занимались у нас бизнесом, заключали сделки уже с Советской Россией. Совместная лесопереработка и добыча полезных ископаемых была у нас налажена при участии Фритьофа Нансена.

Есть у меня хороший знакомый и коллега — журналист из Швейцарии Эрик Хёсли. В прошлом году он написал книгу «Сибирская эпопея». Он начинает с того, что все знают историю освоения Дикого Запада, но никто не знает историю освоения Дикого Востока. Если взяться подбирать литературу, то получится, что Сибирь — это каторга, ссылка, репрессии и ГУЛАГ. А ведь это огромная часть Российской империи, которая давала золото, пушнину, нефть, газ и многое другое. И сегодня Сибирь — опорный регион страны, главная кладовая российских богатств. И вот швейцарский журналист Эрик Хёсли попробовал написать историю экономического освоения Сибири. И у него

получилось. Книга, переведённая в этом году на русский язык, пользуется колоссальным спросом.

Кстати, в позапрошлом году был завершён проект «Литературное наследие Красноярья», в рамках которого были переизданы произведения практически всех известных писателей, творивших на берегах Енисея. Книги переданы во все библиотеки региона.

— Какой книги сегодня не хватает вам как читателю? О чём, как вам кажется, стоило бы писать сегодня? Какие темы ждут своего писателя?

— Хотел бы прочитать книгу красноярского автора про современную жизнь, хотя бы про девяностые—нулевые, но не криминальную драму, а роман или

повесть с живыми узнаваемыми героями—моими современниками. Не очень верю, что такая книга скоро появится. На осмысление эпохи требуется время. И талант, конечно. Астафьев смог написать свои лучше строки о войне только через пятьдесят лет.

В какой-то мере эти темы затронул Михаил Тарковский в романе «Тойота-Креста». Это моя самая любимая из его книг. Она больше нравится женщинам, поскольку рассказывает о любви. Но если в ранних книгах Тарковского—«Отпусти, Енисей», «Замороженное время»—чувствуется мощное влияние Астафьева и Шукшина (что само по себе замечательно), то «Тойота-Креста» самобытна и очень современна.